

Павел Засодимский

Милочка

Павел Засодимский

Милочка

«Public Domain»

1899

Засодимский П. В.

Милочка / П. В. Засодимский — «Public Domain», 1899

«...В ту минуту за окном послышался шорох, ветви сиреней, росших под окном, заколебались, хотя ветра вовсе не было и в воздухе стояла тишь. Затем послышалось, что по стене как будто кто-то карабкался, – и в то же мгновение в окне показалось веселое, смеющееся личико Милочки с мокрыми волосами – и растрепанными достаточно для того, чтобы окончательно привести в ужас бабушку...»

Содержание

I	5
II	7
III	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Павел Владимирович Засодимский

Милочка

I

Важное известие застаёт Милочку врасплох

Небольшой поросенок – белый, с темными пятнами – лежал в тени под березой, у крыльца, а Милочка, опустившись на колени, сидела с ним рядом и дружески обнимала его за шею. Милочка гладила его, ласково приговаривала: «Вася мой! Васенька!» и иногда дергала его за уши.

Когда золотистый солнечный луч, пробившись из-за листвы, падал на «Ваську», его нежные розовые уши так заманчиво просвечивали, что девочке как-то невольно хотелось потереть их. Поросенок, по-видимому, уже привык к таким ласкам и покорно принимал их, как должное и неминуемое. Он лежал, растянувшись, уткнув в траву свою продолговатую мордочку, и полузакрытыми глазами лениво посматривал на Милочку.

– Ваське хорошо! Васька развалился... нежится! – говорила девочка, почесывая поросенку за ухом, как обыкновенно чешут кошек.

Ваське, конечно, было хорошо, да и Милочке – недурно... Майское солнце сильно припекало с голубого, безоблачного неба, а здесь, под березой, – тень и прохлада, и лишь небесная лазурь сквозит из-за ветвей там и сям...

На вопрос: кто в ту минуту был чище – поросенок ли, слывущий обыкновенно за самое грязное животное, или барышня? – отвечать можно было легко и совершенно безошибочно... Поросенок был совсем чистенький и с таким же правом, как теперь под березой, мог лежать и в гостиной на ковре. Ну, а барышня, по сравнению с поросенком, – надо уж правду сказать, – была настоящей замарашкой.

Ее ботинки, чулки, передник, руки были замазаны землей; в темных волосах ее набились какие-то зеленые листочки, желтые сухие стебельки, какой-то сор... И, – что всего замечательнее, – даже кончик ее маленького носа был замазан в черноземе, так что иной недогадливый человек, пожалуй, мог бы подумать, что эта девица носом землю рыла, – предположение, разумеется, маловероятное...

Но если бы меня спросили: кто из них был красивее – барышня ли замарашка, или этот чистенький поросенок? – то я должен был бы сознаться, что барышня, на мой взгляд, была красивее своего четвероногого приятеля, хотя и тот со своей милой мордочкой и с розовыми, просвечивающими ушками, может быть, со свиной точки зрения должен был казаться замечательно красивым созданием.

У Милочки были большие и блестящие, темно-карие глаза; были мягкие, шелковистые, темные волосы, на щеках – горячий, густой румянец; Милочка, для десяти лет, была довольно высокого роста, стройна и грациозна. У поросенка глаза были хотя также темные, но маленькие, узенькие; шерсть – грубая, жесткая; румянец его, разумеется, не походил на Милочкин, и с нашей – с людской – точки зрения он был, если хотите, мил, смешон, но неуклюж и уж вовсе не грациозен...

В ту минуту, как Милочка занималась с поросенком и вообще так приятно, хотя и без особенной пользы, проводила время, послышался стук колес, и вскоре в воротах показалась пара старых, поджарых, серых лошадей, по-видимому, едва переставлявших ноги, за ними – небольшая, старомодная коляска, и на козлах ее – высокий, широкоплечий старик с большой седой бородой и в заправской, хотя довольно потертой, кучерской шляпе. Распрягнув лошадей

и поставив их под навес сарая, кучер медленно направился к крыльцу барского дома. Милочка с большим интересом следила за этим явлением, а поросенок своими полужакрытыми глазками, казалось, на весь Божий мир смотрел совершенно равнодушно.

– Здравствуйте, барышня! – заговорил кучер, снимая шляпу и кланяясь Милочке.

– Здравствуйте! – отозвалась та, приподнимаясь и опираясь рукой на поросенка.

– Видно, не узнали меня, сударыня? – переступая с ноги на ногу, продолжал кучер. –

Помните, как я вас по саду в тележке-то катал?

– Не помню... Разве это было когда-нибудь давно, когда я была еще маленькой... – промолвила барышня, обдергивая свое короткое платье. – А вас как зовут?

– Фомой! – ответил старик, с добродушной улыбкой поглядывая на девочку.

– Фома!.. Не помню... – прошептала Милочка, качая головой и всматриваясь в старика.

– Я кучер вашей бабушки, Евдокии Александровны... Бабушка приказала вам кланяться, к себе вас в гости зовет, лошадей за вами прислала... – докладывал Фома.

– Ах! А у меня еще в огороде работа не кончена!.. – вскричала Милочка. – Нужно садить горох, салат... цветы еще не все пересажены! Работы еще много, много... А вы зачем, Фома, без шапки стоите?

– Нельзя нам, барышня, перед вами в шапке стоять... никак это невозможно! – поучительным тоном отвечал кучер. – Неучтиво-с... ведь мы то же кое-чему учены...

– Ведь вам солнышком голову напечет... Нет, Фома, вы уж лучше наденьте шляпу...

Пожалуйста, Фома! – дергая поросенка за ухо, промолвила Милочка так настойчиво, что старик, наконец, должен был накрыть шляпой свою лысую голову.

– вот и письмецо от бабушки – мамаше... Извольте получить! – сказал Фома, передавая барышне письмо.

– Бабушка здорова? – спросила та, вертя письмо в руках.

– Ничего, слава Богу!.. Вас в гости ждут... –

– Уж, право, не знаю... Я вот сейчас! – сказала Милочка и, быстро вскочив с колен, побежала в дом.

Поросенок хрюкнул и лениво перевалился на другой бок.

А по дому уже раздавался звонкий, серебристый голосок: «Мама! Мама!»...

II

Краткая история Милочки и ее родных

При крещении ей дали имя Людмилы. Все ее родные и знакомые, няня Протасьевна и прислуга звали ее Милочкой, и это имя как нельзя более шло к ней. Она была не особенно красива, не настолько умна, чтобы звезды с неба хватать; вообще она не поражала никакими талантами и особенными способностями: ни громадной памятью при заучивании басен и стихов, – а этим, как известно, иногда очень гордятся дети, а еще более их родители, – ни остроумием, ни находчивостью; но она была очень мила, бесконечно мила, добра, искренна и откровенна. Мне кажется, слова лжи и обмана еще ни разу не сходили с ее языка.

Я с удовольствием приложил бы здесь ее портрет, но, к сожалению, не успел вовремя запастись ее фотографической карточкой. Впрочем, могу уверить, что на карточке Милочка снята без поросенка, и для такого экстренного случая она была одета как следует, как настоящая маленькая барышня: в коричневом коротком платье с короткими рукавами и с белым воротничком. На темные волосы ее мамаша даже повязала пунцовую ленточку, но на карточке, впрочем, ленточка не вышла у Милочки на голове, но очутилась в руках.

Дело в том, что в последнее мгновение, когда фотограф уже собрался снимать, Милочка сдернула с головы ленту и, оставаясь неподвижной, как статуя, и еле шевеля губами, прошептала:

– Мама! Зачем эта лента?.. ее не нужно...

Вследствие такого-то неожиданного оборота дел ленточка очутилась у Милочки на коленях, а несколько шелковистых прядей ее темных волос, сбитых ее торопливым движением, рассыпались и свесились ей на лоб.

Фотограф положительно залюбовался на нее. Но Милочка осталась им недовольна за то, что он, указывая на нее, сказал ее матери:

– Я бы готов был каждый день снимать карточки с таких прелестных детишек!..

– Мама, разве я дитя? Зачем же он так говорит?.. – заметила Милочка матери, уходя с нею из фотографии.

Отец Милочки, Николай Михайлович Тевяшев, умер уже шесть лет тому назад, когда Милочке минуло лишь четыре года. Милочка смутно помнит его, – очень смутно, но любит его память, потому что он был всегда очень добр и ласков к своей маленькой девочке. Она как будто видела во сне, что сиживала у отца на коленях, хватала его за бороду, а он гладил ее по голове, нежно целовал ее и, целуя, щекотал ей усами шею и щеки.

После смерти отца Милочка осталась с матерью в той же ее милой Березовке, небольшой усадьбе, где жила и при отце. Мать ее, Катерина Васильевна, была женщина очень деятельная, работающая, и никакое дело не вываливалось у нее из рук. Она сама заведывала домашним и полевым хозяйством: вставала рано – зимой в семь, а летом в пять часов, ложилась позже всех в доме. Особенно летом у нее было много работы; весь длинный летний день она была в ходьбе; – присядет, бывало, только за чаем, да за обедом. За то соседи и говорили, что у Катерины Васильевны хозяйство шло лучше, чем у любого мужчины. За то Катерине Васильевне и некогда было обращать особенного внимания на Милочку, и она очень жалела, что не успевала заняться с девочкой так, как бы ей хотелось.

Милочка умела хорошо читать и писать на родном языке, знала первые четыре правила арифметики, немного дроби, – и на том пока образование ее остановилось. Мать хотела подготовить ее и через год или через два отдать ее в гимназию – во второй или третий класс. А пока Милочка пользовалась полною свободой.

И замечательно, – Милочка умела так распорядиться, что время для нее шло незаметно, потому что всегда было чем-нибудь занято...

Иные девочки, как известно, решительно не знают, что делать с собой, когда с ними не занимаются, и они ужасно ноют и надоедают взрослым своими приставаниями: «Мама, мне скучно!.. Мама, что бы мне делать?.. Мама!..» и так далее, Милочка не умела сидеть без дела и не знала, что значит – скучать.

Летом работы у нее был полон рот. Она любила возиться в огороде, – садила разные овощи, полола, поливала их; в саду устраивала себе беседки, занималась посадкой молодых деревьев, со старых деревьев обрезывала сушняк; чистила дорожки, возила с реки желтый песок в маленькой тачке и посыпала им дорожки; кормила дворовых собак, кошек, поросят, кур, уток, гусей, – кормила и диких птиц – воробьев, голубей.

С особенной же любовью Милочка работала в цветнике, – исправляла рабатки под наблюдением матери, прибавляла чернозему, пересаживала цветы в грунт, осторожно подвязывала их мочалками к колышкам, – сама и колышки строгаала – и вообще ухаживала за цветами с такою любовью, так нежно дотрагивалась до них, как будто все эти розы, жасмины, анютины глазки, душистый горошек, венерина колесница, мальвы, бархатцы, уголек в огне, жонкили, нарциссы – были для нее живыми, дышащими и всечувствующими существами.

Когда ж тут скучать?.. Надо заглянуть и на птичий двор, и в огород, и в сад, сбегать к маме в поле, на луг, сходить в лес за ягодами или же за грибами, затем – на реку... так приятно выкупаться после работы!.. Вот и день весь. Красное солнце закатилось за зеленые леса, заря бледнеет и гаснет; голова Милочки отяжелела, глаза сами смыкаются, – Милочку клонит ко сну...

Летом Милочка редко бралась за книгу, разве только когда-нибудь в ненастье... И зимой, положим, днем ей тоже надо было пошить, повязать, сходить на птичий двор – посмотреть на своих рябушек, сбегать на лыжах в деревню к знакомым, в сумерки покататься с ребятишками с горы, которую зима-волшебница сама для них устраивала, заноса снегом высокий крутой берег реки и покрывая реку блестящим, крепким льдом...

Но в длинные зимние вечера Милочка охотно бралась за книгу, подолгу просиживала над нею и даже иногда, ложась спать, засовывала книгу под подушку за тем, чтобы, вставши пораньше утром, еще при огне, дочитать интересный рассказ. Так она уже прочитала сказки Пушкина и некоторые из его поэм, много различных путешествий, детских повестей и рассказов. В эту темную зимнюю пору Милочка столько перечитала книг, сколько перечитала не каждая девочка в ее годы.

В 50 верстах от Березовки жила в своем имении Ивановском Милочкина бабушка, мать ее покойного отца, Авдотья Александровна Тевяшева, – впрочем, по ее желанию, все звали ее «Евдокией Александровной». Года четыре тому назад между бабушкой и Катериной Васильевной произошли какие-то неприятности, и сношения между Березовкой и Ивановским прекратились. В последнюю зиму Катерина Васильевна вступила с бабушкой в переписку, и мирные отношения между ними снова восстановились. Но бабушка еще не приезжала в Березовку. Катерина Васильевна с Милочкой также не успела собраться к ней зимой, а тут подошла весенняя распутица, наступило бездорожье, разлились реки и ручьи, и в оврагах зашумела вода. А теперь, летом, Катерине Васильевне уже совсем некогда ехать в Ивановское. Пришлось отложить поездку до осени, как до более свободного времени... Но тут приехал Фома, и все дело разом изменилось...

«Если тебе, Катенька, самой некогда приехать, то хоть отпусти ко мне Милочку с нянькой погостить ненадолго – на неделю, на две», – писала бабушка Катерине Васильевне.

Отказать старушке было неудобно...

III

Милочка делает визит бабушке

В столовой барского Ивановского дома на больших стенных часах стрелка показывала час пополудни. Кукушка только что прокуковала и спряталась; дверца сверху часов только что успела захлопнуться за нею... Бабушка Евдокия Александровна только что позавтракала и сидела у стола на своем обычном месте – в покойном, мягком кресле с высокою спинкой, занимаясь своим любимым рукоделем – вязаньем чулка.

Бабушке уже стукнуло семьдесят пять лет, но она все еще была женщина видная, довольно высокого роста, полная, с важной осанкой и, – по институтской привычке, – держалась совершенно прямо. С самого утра она выходила в столовую уже тщательно одетою, как для приема гостей. Свои седые, серебристые волосы она подстригала и накрывала их черною кружевною косыночкой. Крепко сжатые губы и густые, нависшие брови, сохранившие свой прежний темный цвет, придавали ее лицу суровое, строгое, а подчас даже сердитое выражение. Она носила большие, круглые очки, но очки, обыкновенно, спускались у нее на самый кончик носа, так что в них она видела лишь свое вязанье, – вообще же смотрела поверх очков...

Окно, выходившее в сад, было отворено. Там были видны сияющие голубые небеса, зелень, ярко озаренная солнечным светом, и фруктовые деревья все в цвету, стоявшие, «как молоком облитые». Какая-то птичка прилетала на подоконник, прыгала по нем и, заглянув в комнату, с веселым чириканьем улетала на соседние кусты сирени.

Бабушка тихо подремывала, полузакрыв глаза; ей обыкновенно очень нравилось в такой полудремоте вязать чулок...

– Сударыня! Фома возвратился из Березовки, – объявила горничная Дуняша, входя в столовую.

– Ну, что ж! Никто не приехал? – не совсем-то связно пробормотала бабушка, выходя из своей задумчивости.

– Катерине Васильевне, говорит, теперь никак некогда, – потому работы...

– Знаю, знаю! Она все со своим хозяйством, – нетерпеливо перебила старуха.

– Нянька приехала... Протасьевна! – продолжала докладывать Дуняша. – Письмо к вам есть... только оно у барышни...

– Как у барышни? Да барышня-то где же? – уже с недоумением спросила старушка.

– Няня говорит, что барышня вышла из коляски, приказала им ехать, а сама пошла на речку купаться...

– Господи, Боже мой! – воскликнула бабушка, опуская вязанье к себе на колени. – Теперь-то купаться? Еще нет половины мая... одна... в незнакомой речке... Да что они, – с ума сошли? Пошли ты ее ко мне, – старую дуру!

Дуняша моментально скрылась и через минуту в столовую вошла Протасьевна в своем праздничном сером платье и в черном шерстяном платочке на голове и, – по старинному, – с низкими поклонами подошла к бабушке.

– Все ли вы здоровеньки, сударыня моя, матушка, Евдокия Александровна? – мягким, сладеньким тоном заговорила няня.

– Я-то ничего... здорова... А у тебя-то все ли здорово тут? – напустилась на нее бабушка, тыча себя пальцем в лоб.

– Да ничего, матушка... слава Богу! – слегка опешив, промолвила няня, поправляя на голове платок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.